

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-1-33

УДК 141.333 (177.3 - 122/129)

ФЕНОМЕН ПАНМИФОЛОГИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И АКТУАЛЬНЫЕ МИФОЛОГЕМЫ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Пилюгина Е.В.

В статье исследуется ключевой признак общества постмодерна и текущего мирового социального кризиса – панмифологизация действительности; выявляются условия и признаки панмифологизации; проводится сопоставление традиционных мифов и мифов современного общества (мифологем); производится концептуальное определение понятия «мифологема», под которой понимается сформированный посредством информационных технологий контент резонирующих между собой знаков и значений различных фактов и событий, не связанный напрямую с действительностью, реальными историческими событиями или культурными аттракторами; обосновывается, что мифологемы постмодерна не только деформируют реальность, подобно мифам традиционного общества, но и деконструируют реальность согласно определенным социальным заказам, усиливая сингулярность социальных субъектов и их деструктивные свойства. Сравнивается мифологизация и идеология как процессы целенаправленного влияния на социальную среду. Анализируются актуальные мифологемы современности, в том числе, в пространстве текущего украинского кризиса; особое внимание уделяется демократии как ключевой мифологеме западной цивилизации и общества постмодерна.

Ключевые слова: панмифологизация; миф; мифологема; сингулярность; трансгрессия; симулякр; тоталитарная идея.

THE PHENOMENON OF PAN-MYTHOLOGIZING OF REALITY AND ACTUAL MYTHS OF UKRAINIAN CRISIS

Pilyugina E.P.

In the article is investigated the key sign of contemporary society and the current global social crisis – pan-mythologizing of reality; identifies conditions and signs of the phenomenon of pan-mythologizing of reality; compared to traditional myths and myths postmodern core so-

ciety – mythologems; it is proved that mythologem of the postmodern society unlike traditional myths of previous stages of historical development not only distort reality, but deconstructs reality according to specific social orders, strengthen the singularity of social subjects and their destructive properties. Comparable pan-mythologizing and ideology as a process of purposeful influence on the social environment. Is a conceptual definition of the term mythologem which is defined as generated by information technology content resonating among themselves the signs and meanings of the various facts and events not necessarily connected with reality, the real historical events or cultural attractors; analyzing actual myths of our time, including, in the space of the current Ukrainian crisis; special attention is paid to democracy as the key myths of modernity.

Keywords: *pan-mythologizing; myth; mythologema; singularity; transgression; simulacrum; totalitarian idea.*

Современный геополитический кризис и связанное с ним массивное информационное противостояние, фокусом которого стала Украина, только на первый взгляд напоминают «холодную войну» XX века между СССР и США. Информационная война XX века – конфликт в призме общества модерна: противостояние различных экономических и социально-политических систем, государств; это, прежде всего, идеологическая война. Текущий конфликт так же отличается от той «холодной войны», как идеология отличается от мифологии; это противостояние социально-культурных систем, различных нарративов и ментальностей, информационная война постмодерновых, или близких к постмодерновым, обществ, поэтому, даже если она имеет схожие цели, то ведется иными методами, среди которых ключевым является принцип мифических деконструкций – применение специально разработанных социальных мифов как определенных латентных «пакетов» знаков, программ активирования тех или иных социальных феноменов и свойств. Социальные мифы постмодернового общества – эффективные инструменты конструирования и деконструирования социальной реальности; обеспечивают актуализацию заданных характеристик социального бытия, маркировку социальных субъектов; означивают события в той последовательности и в том ракурсе, которые требуются определенным социально-политическим силам. В самом общем смысле, современные социальные мифы (мифологемы) – это устойчивые системы определенных значений, обеспечивающие значимость определенных событий и превращение фактов и явлений в события. Общество постмодерна – эпоха повсеместного распространения мифологем, время повальной мистификации и панмифологизации действительности.

Так как «наше общество является привилегированной областью существования мифических значений» [6, с. 105], «миф – это самая важная психологическая и культурная структура нашего времени» [6, с. 7], феномен мифологизации неизбежно оказывается в сфере внимания современной философии. В разное время и с различными акцентами теме мифа и мифологизации действительности уделяли внимание многие философы XX-XXI веков, особенно, постмодернистского направления и течений, тяготеющих к постмодернизму: Р. Барт, Ж. Батай, Ж. Бодрийяр, К. Леви-Стросс, в определенной степени, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез, А. Бадью, позднее, Л.Ж. Нанси, Дж. Холлис и др.

Наиболее значимыми в призма социально-философского подхода по праву считаются исследования Ролана Барта. Именно Барт в своей работе «Мифологии» обозначил общие черты всякой мифологизированной действительности. По Барту, любой миф – это не реальность, а знаковое отражение реальности; но это «кривое зеркало»; «кривизну» придает история – как реальная история того или иного общества, так и история возникновения того или иного мифа в обществе: «миф это слово, избранное историей» [6, с. 72]. Под мифом Р. Барт понимает определенную последовательность знаков, вызванную к жизни определенной последовательностью фактов или других знаков; поэтому, миф – это всегда вторичная семиологическая система. Миф неизбежно вписан в контекст событий; в сущности, это рассказ о событиях в зашифрованном виде, хотя при этом «миф ничего не скрывает; его функция заключается в деформировании, но не в утаивании» [6, с. 77, 85]. Мифологизация всегда имеет императивный, агрессивно побудительный характер.

Важно подчеркнуть, что Р. Барт впервые представляет миф не только как отражение социальной реальности, но и как инструмент ее деформации, деконструкции. Барта интересуют не конкретные мифы и их происхождение, а трансцендентальность мифа как такового, благодаря которой феномен мифологизации имеет место в любом обществе в любое время. Но при этом в своих исследованиях французский философ игнорирует различие между мифами традиционного общества (как единственным некогда средством познания мира, «бытия-в-мире») и современными социальными мифами (как способом избегания мира, «бытия-вне-мира-реальности»). Между тем, это различие представляется крайне важным.

Продуктивные исследования референций миф-действительность представил французский философ постмодернистского направления Л.Ж. Нанси. В определении значения мифа в современности Нанси идет значительно дальше Барта, утверждая, что миф сегодня не обязательно отражает реальность или вообще как-то связан с реальностью: миф лишь «означивает сам себя и конвертирует свой собственный смысл» [9, с. 105]; постмодерновый мир – это общество

«прерванного мифа», базовым принципом которого является тождественность утверждений «основание есть вымысел» и «вымысел есть основание». В результате социальное бытие, воплощённое в мифе, «взрывается в своём собственном вымысле» [9, с. 109], трансgressирует, то есть, одновременно, и постулирует себя, и преодолевает; и замыкается в себе, и уничтожает себя.

Более глубоко феномен трансgressии как разрушения устойчивых образов и значений проанализировал Жан Бодрийяр [4, с. 5], но не в ракурсе мифологизации реальности, а в призме симуляции реальности. Впрочем, бодрийяровский «симулякр» концептуально очень близок мифологеме, недаром, анализируя феномен симуляции, Бодрийяр говорит о мифах как необходимых «зримых» образах симулированной реальности. Заслуга Бодрийяра несомненна и в исследовании процесса конструирования реальности с помощью создаваемых образов реальности, в том числе, на примере, конкретных событий¹.

Проблеме влияния мифов на «психодинамическое состояние общества» посвятил свои исследования американский философ-юнгианец Джемс Холлис. Понимая под мифом образ действительности, формирующийся в результате воздействия, с одной стороны, индивидуального подсознательного (событий, вызвавший эмоциональный отклик и обеспечивших «индивидуальный сценарий» жизни), с другой, родовой системы ценностей, распространяемой через культуру и выглядящей как «коллективное подсознание» (сливающееся у Холлиса с «коллективным бессознательным») этносов, Холлис маркирует миф как психосоциальный феномен. Американский философ также производит демаркацию мифа и мифологемы, считая мифологему неким «зародышем», мотивом или «отдельным фундаментальным элементом мифа» [10, с. 108]), а миф, соответственно, системой относительно упорядоченных и взаимосвязанных мифологем. Но в таком случае миф и мифологема рассматриваются исключительно формально, игнорируется их содержательное различие: обращенность, прежде всего, к бессознательному (миф), и, пусть частичную и временную, но осознанность мифологемы как образа реальности, не совпадающей с реальностью (недаром термин «мифологема» включает, кроме корня «миф», корень «лог», свидетельствующий об апелляции к Логосу).

Несмотря на важность этих и других исследований процесса мифологизации², сохраняется некоторая неудовлетворенность в осознании «глубинных течений», позволивших активиро-

---

¹ Речь идет о серии статей Ж. Бодрийяра под общим названием «Война в Заливе, которой не было» о практике вбрасывания в социальную среду симулированных образов реальности и методологии информационных войн. [3]

² Отечественные исследования феномена мифологизации имеют, большей частью, не философский, а филологический или антропологический контекст, ставя не столько задачу проанализировать глубинные

вать мифологическое восприятие мира. Почему именно постмодерновому обществу, в оппозиции прагматичному социальному пространству модерна, Нового времени (в котором процесс мифологизации был не таким очевидным, а тон задавала идеология) оказывается имманентно мифологическое восприятие; причем, в том числе, и даже прежде всего, тем его фрагментам (Западный мир), которые традиционно отличались рационализмом?

В данной работе ставится задача, во-первых, выявить условия панмифологизации действительности, отличающей современное общество, определить референции современных мифов (как мифологем) и мифов прошлого, мифологии и идеологии; во-вторых, проанализировать наиболее значимую мифологему общества постмодерна – мифологему демократии; в-третьих, на примере мифологем, курсирующих в пространстве украинского кризиса, прояснить некоторые аспекты процесса панмифологизации современной действительности.

Итак, каковы же принципиальные различия традиционных мифов и современных социальных мифов (мифологем)? Традиционный миф – синкретическая форма мировоззрения, в нем нет и не может быть соблазна трансгрессии, потому что нет еще осознания самих границ. Поэтому миф обеспечивает целостность и цельность мировоззрения. Современные социальные мифологемы – производное общества распада; предстают как фрагментарные множественности; ни о какой целостности в них речь не идет, только о некоем пазловом соединении. Мифологемы существуют и осуществляются только в процессе развития, то есть, насыщения новыми атрибутами и производства новых, «дочерних» мифологем; в трансгрессии, непрерывном разрушении и нарушении любых границ. Поэтому мифологемы могут реализоваться лишь в мире сингулярных субъектов, да и сами выступают как сингулярности; это определенные «пакеты» знаков; вся совокупность знаков напоминает калейдоскоп: при каждом «встряхивании» (социальном кризисе) – новая картинка и новая «реальность». Поэтому мифологемы не устойчивы; они квазиустойчивы: конструкция напоминает вращающийся на острие мяч, и чем динамичнее вращение (смена знаков и их интеракция), тем более «устойчивой» выглядит мифологема.

Второе базовое различие в том, что традиционные мифы всегда связаны с действительностью. Отсюда известные мифы о потопе, об умирающем и воскресающем боге (олицетворяющие явления природы), о войнах богов (производные от войн племен, поклонявшимся разным богам). Современные социальные мифологемы не столько отражают, сколько, напротив, конструируют действительность.

течения и принципы современного общества, сколько конкретные мифы и мифологемы, воплощенные в определенном культурном пространстве, будь это пространство текста или этническое пространство. См. например, [8].

Третья линия демаркации: традиционный миф, являясь, по сути, результатом народного творчества, коллективного авторства нарождающейся культуры, не персонифицирован, апеллирует, прежде всего, к позитивным чувствам и эмоциональным проявлениям, способным обеспечить сплочение, и, значит, выживание сообщества; это первая попытка осознания единства, социальности как таковой. Традиционные мифы архетипичны, воплощают, в первую очередь, коллективное бессознательное, но в то же время, обеспечивают перевод чувственного восприятия на «язык разума».

Современные мифологемы – сознательно сконструированные посредством знаков образы социальной реальности; обладают вполне конкретным авторством, хотя, большей частью, имеют множество авторов. Множественность авторов мифологем часто создает иллюзию «смерти автора», ведь автором мифологем могут выступать не только индивиды, а определенные сплоченные социальные группы; авторство также может сознательно нивелироваться, скрываться, приписываться другому социальному субъекту. Поэтому мифологема всегда персонифицирована и «авторизована», но не всегда возможно установить ее реальное происхождение.

Мифы выражали единение с миром (природы, общества), общее; современные социальные мифологемы фиксируют и усиливают разъединение, отличное; их задача не обеспечить единство социальной среды, а усиливать и транслировать сингулярность. Р. Барт свидетельствует, что «магические типы поведения», показательные для мифологического восприятия, вызваны «слепым страхом, замороженностью перед лицом разорванного социального мира» [6, с. 130]; следовательно, по мере увеличения социальной разорванности, возрастает нужда общества в мифологизации, как некоем зонтике, позволяющем укрыться от бурь и тягот сложного, непредсказуемого, бесконечно дробящегося социального пространства. При этом, сегодняшние мифологемы не нивелируют, а активизируют негативные чувства и переживания, глубинный внутренний конфликт современного человека с самим собой, с обществом, конфликт сознания и бессознательного, реальности и ирреальности, этики и эстетики, и т.д. Таким образом, традиционные мифы созидательны (даже, когда рисуют образы смерти, войны, противостояния), а современные мифологемы разрушительны (даже, когда свидетельствуют о развитии и проявлениях жизни). Фактически, мифологемы переводят осознанные ранее реальные вещи, рациональное, на «язык бессознательного», создавая из знаков псевдореальность. И если мифы синкретичны, то мифологемы тотальны, ведь только тотальным проникновением во все сферы социального бытия, находящегося в состоянии сингулярности, можно связать социум в некоторое подобие целого: мифологемы выполняют роль «вяжущего вещества», идейного «полимера», скрепляющего отдельные сингулярные фрагменты социума.

Включая в себя архетипичные значения и значения, сформированные в призме драматических моментов истории (аттракторы)³, мифологема может быть позиционирована как «социальное подсознание» (в отличие от традиционного мифа, представляющего, большей частью, как «социальное бессознательное»). То есть, в отличие от мифов, мифологема могут (частично) осознаваться как мифологема, как нереальность, а всего лишь внушаемый образ реальности. Но это вовсе не означает, что им легко противостоять: осознание мифологема как мифологема может быть лишь локальным (по крайней мере, для социальных субъектов, оказавшихся под ее гипнозом) и фрагментарным.

Апелляция к подсознанию отличает мифологема от рациональной политической идеи – продукта идеологии. Идеология обращена к сознанию, это феномен рационализованного общества модерна, система устойчивых упорядоченных взглядов (идей). Мифологема (и феномен панмифологизации реальности в целом) – продукт и результат развития современного постмодернового общества, отражение и воплощение его пазловой действительности, провокационно асистемной и хаотичной (в духе «управляемого хаоса»), мира-ризомы⁴.

Особенно эффективно мифологема внедряются в маргинальные слои общества, оказываются очень живучи в них в силу пограничного статуса этих слоев и, как следствие, активных фрустрационных реакций. Общество, группа, индивид погружаются в мифологема как альтернативную реальность, спасение от действительных проблем мира; это, своего рода, внушение, пресловутый «25 кадр». И чем парадоксальнее внушаемые образы, тем больший получается эффект. Паралогика мифологема является важной ее характеристикой – в отличие и от традиционных мифов, и от идеологии, в которых транслируемые образы или идеи всегда в той или иной мере увязывались с действительностью в призме упрощенной формальной логики (добро-зло, белое-черное, истина-ложь, свои-чужие).

Наиболее значимой и влиятельной мифологема общества постмодерна стала образ-идея демократии. Так, Жан Бодрийяр, отмечает, что признак современности – тотальное навязывание идеи демократии как основной мифологема западного мира, приводящее к «безудержной эскалации демократичности ценой инфляции ее установок и бесконечной спекуляции на ее идеях» [4, с. 124]. Ален Бадью также подчеркивает, что в современном мире демократия стала неким фетишем: «в наши дни быть демократом до сентиментальности обязательно» и

---

³ Голландский социолог Ф. Анкерсмит обозначает их как «травмы истории», оставляющие «рубцы» в социальном, этническом сознании. [1, с. 32].

⁴ Термины «ризома» и «хаотичность» введены французским философом-постмодернистом Жилем Делезом [7].

«требуется храбрость отправиться по ту сторону демократического фетиша, такого, как мы его знаем» [2, с. 2-7]. Речь идет, конечно, вовсе не о том, чтобы отвергнуть саму идею демократии; следует согласиться с Л.Ж. Нанси, что пока ее нечем заменить, и даже просто критика демократии может способствовать «риску уничтожения, чистой экспроприации и ничем не сдерживаемой эксплуатации» [9, с. 91]. Речь о том, что тоталитаризация и фетишизация идеи демократии обесценивает смысл самой идеи, уничтожая демократию на корню.

Водораздел между демократией как идеологией и демократией как мифологемой – в отношении к реальности. При идеологическом восприятии демократия трактуется как «правильная», но не единственная реальность; в качестве обоснования идеи демократии используются социально-политические реалии – практика демократии, в результате чего, образ демократии, скорее, апостериорный. При мифологемном восприятии демократии идея демократии априори преподносится как единственно возможная инвариантная реальность. Существование других «реальностей» не предусматривается. Все, что не вписывается в принципы демократии, а также, отклонения и несовершенства самой демократии, игнорируются; вариации демократии не признаются (например, понятия «либеральная демократия» и «демократия» объявляются тождественными). Мифологемное восприятие демократии по сути тафталогично: демократия обосновывается самой собой. По сути, сегодня идея демократии стала главной ценностной «валютой» Запада, способной конвертироваться в любые иные ценности. Именно поэтому транслирование идеи демократии в ее «автохтонном» западном варианте на «внешнее» по отношению к Западу пространство не приводит к соответствующему успеху.

Следует отметить, что мифологемы – порождение общества постмодерна и Западной цивилизации – в не западном мире и в условиях масштабного социального кризиса часто «проигрывают» мифам, традиционным для культуры, в борьбе за контроль над социальной реальностью. Вероятно, потому, что в драматические моменты истории, во времена социальных катаклизмов ради выживания обществу необходимы проверенные временем и историческим опытом действенные ориентиры, реальные, а не виртуальные основания культуры – паттерны, определяющие сущность и специфику той или иной социальной среды. Эффективное внедрение мифологем возможно в условиях относительно спокойного и комфортного социального бытия (материального, политического), а также, в обществах, оказавшихся *перед* неизбежностью трансформации. В первом случае мифологемы используются как предохранители от социальных катаклизмов; во втором случае, – как спусковой механизм, призванный направить социальную волну в определенное русло. В обоих случаях наблюдается нейтрализация традиционных мифов конкретной культуры, но во втором варианте такая нейтрализация временная,

крайне неустойчивая и слабо контролируемая. В целом же, успех или неудача внедрения тех или иных мифологем определяются тем, насколько конструируемая с помощью них реальность окажется жизнеспособной, а сами мифологемы способны вписаться в контекст предыдущих знаков, знаковых (исторических) событий, культурных аттракторов; другими словами, насколько вбрасываемые сегодня в социальное пространство мифологемы оказываются имманентны этому пространству и не вступают в очевидное противоречие с привычными, признанными обществом, оправданными историей, мифами.

В призме исследуемого вопроса кратко проанализируем актуальные мифологемы текущего украинского кризиса и их влияние на развитие социально-культурного пространства Украины.

Предварительно подчеркну, что в нижеследующем анализе не является целью рассмотрение традиционных (исторических) мифов, формировавших ментальность украинского этноса или поликультурное пространство украинского сообщества в целом, подобно иным работам, представлявшим значимые мифы как факторы формирования той или иной ментальности. Напротив, в рамках проведенного исследования и сделанных выводов относительно специфики современных мифов как мифологем, ставится задача проиллюстрировать эти выводы наиболее ярким на данный момент примером панмифологизации действительности, представив курсирующие в пространстве украинского кризиса мифологемы как *искусственно* созданные образы реальности, во многом, противостоящие традиционным мифам исторического происхождения, а значит, разрушающие, деконструирующие сложившуюся ментальность. В силу обстоятельств в фокусе украинского кризиса проявились ключевые признаки современного постмодернового мира – сингулярность социального бытия, трансгрессия как преодоление значимых для социального (в том числе, этнического) сознания границ, и, в первую очередь, практика целенаправленного вбрасывания в социальное пространство мифологем для создания ситуации «управляемого хаоса».

Дело в том, что в процессе глобализации в орбиту постмодернового пространства активно втягиваются даже, казалось бы, изначально далекие от постмодерновых принципов, сообщества, мифотворчество пронизывает всю современную жизнь, политические, этнические и экономические отношения. Так, уже Ж. Бодрийяр анализировал панмифологизацию через призму событий первой иракской компании США 1991-2003 г.г. в серии статей под общим названием «Война в Заливе, которой не было» об эффективно внедренной в американско-европейское сообщество мифологемы «Угроза со стороны Ирака» и новой разновидности войн общества постмодерна: виртуальных, информационных, on-line-войн [3, с. 33-36]. Можно сказать, сегодняшние инженеры и менеджеры актуальных украинских мифологем (как и в случае Ирака,

прежде всего, проамериканские силы) уже имели серьезный опыт, в отличие от их российских оппонентов. Успех России в некоторых «сетях» текущей информационной войны объясняется тем, что – и это следует подчеркнуть – российские идеологи стремятся опереться не на новые социальные проекты с непредсказуемым результатом, а реанимировать старые, проверенные историческим опытом мифы⁵, например, такие, как «украинский и русский народы – братские»; «Запад противостоит России, стремясь ее ослабить»; «Россия – Евразия, ее миссия состоит в том, чтобы защитить не западный мир от западных «хищников», «фашизм – абсолютное зло», и так далее. Таким образом, информационная война, развернувшаяся в данный момент за влияние на украинскую аудиторию как для самой украинской аудитории, так и для «сил деконструкции» извне – это война привычных мифов, ассоциируемых с древнерусским и великорусским периодами развития украинского этноса и традиционно ориентирующих на тесную связь с Россией, и новых мифологем западного, большей частью, американского, происхождения. Внедряемые мифологемы призваны разрушить традиционные мифы, то есть, оторвать культурно Украину от России. Насколько такие мифологемы как инструменты переориентации Украины эффективны, покажет время. Скорее всего, приживутся те мифологемы, которые обыгрывают определенные исторически обусловленные признаки украинского этноса (может быть, утрируют, но опираются на важные для украинской культуры паттерны), а также, хотя бы резонирующие с определенными значимыми историческими событиями (например, с польским и австро-венгерским периодами в формировании украинского этноса). Сложность в том, что – и это стало настоящим откровением текущего украинского кризиса как для самих граждан Украины, так для внешних сил, России и Запада, – в полной мере украинский этнос все еще не сформировался. Текущие события высветили существенное различие – экономическое, идеологическое, культурное, политическое – Запада и Юго-Востока Украины. При таком различии сложно сконструировать устойчивые мифологемы, способные повлиять на всю Украину. Сегодня мифологемы, в основном, распространяются на Западе Украины, хотя и имеют претензии на всеобщность, потому что русскоязычному, традиционно ориентированному на связь с Россией, Востоку Украины имманентны акцентирующие эту связь исторически обусловленные мифы.

Разберем актуальные мифологемы украинского кризиса.

---

⁵ Подчеркну еще раз, что здесь и везде по тексту под мифом понимается, прежде всего, некритически воспринимаемый, априорный, образ реальности; те или иные идеи могут приобрести мифическую окраску в случае наложения на болевые, травматические для этноса, исторические события, события-аттракторы, как случилось, например, с восприятием фашизма в российской истории.

1. *«Янукович – вор, потворщик коррупции, наживался на народе».*

Тэги (знаковые маркеры): коррупция, пророссийский президент, антинародное правительство.

Эта мифологема стала настоящим брендом Майдана – самоорганизованного массовидного объединения с претензией на выражение «мнения народа». Призвана была расшевелить все общество, особенно, активные слои мелких предпринимателей и фермеров (преобладающие на Западе Украины), в условиях ухудшения экономической ситуации легко разоряющиеся, страдающие от коррупции и засилья олигархов. Мифологема опиралась на традиционный общий восточнославянский миф о коррупции как главном социальном зле, и власти, попустительствующей коррупции, поэтому оказалась наиболее эффективна. В общем-то, это единственная мифологема, которая могла бы объединить (и, на первых порах, объединила) и Запад, и Восток Украины – в политическом и моральном неприятии свергнутого президента. Крайне персонафицирована: все самое неприятное в социально-экономической ситуации отныне связывалось с повергнутым правителем и теми, кто его официально поддерживал. Методика реализации этой мифологемы позволяет сопоставить ее с древними мифическими практиками свержения наиболее влиятельных правителей в случае, если они не справлялись со «своими обязанностями» (так отдавали на растерзание толпе кагана Хазарского каганата, вождей-«делателей дождя» в африканских племенах); изобилует яркими картинками-подтверждениями правоты противников курса В. Януковича (представленная обществу как «вещественное доказательство» резиденция бывшего президента «Межигорье», и т.д.). Как и все мифологемы, содержит паралогию, выражающуюся, например, в том, что после свержения олигархического коррупционного правительства Януковича к власти приходят другие олигархи, коррупция растет, но эти проблемы перестают быть предметом осуждения и обсуждения общественности. И спустя несколько месяцев остается одной из влиятельных мифологем, оправдывающих совершенный переворот, – именно потому, что опирается на исторические и современные украинские реалии. Имеет «дочернюю» мифологему: «выступление на майдане – народная революция против олигархов и коррупционеров».

2. *«На Киевском майдане люди вышли бороться за свободу и демократию».*

Тэги: майдан, народ, свобода, демократия, Европа, ЕС, подъем экономики

Эта мифологема стала «приводным ремнем» украинского кризиса; имеет «дочерние»: «в Киеве произошла демократическая революция», «на майдане люди ратовали за вступление в ЕС, то есть, присоединение к Европе как к демократическому обществу», «присоединение к Европе обеспечит благосостояние и развитие демократических принципов на Украине» и

даже «Россия в экономической «яме», хорошо живут только жители Москвы и Петербурга, остальная часть россиян – пьющие «ватники» (непривлекательный образ российской социальной жизни с традиционным «привкусом» западноевропейского исторического мифа о России как о «стране медведей», сформирован в качестве альтернативы образу «цивилизованного» Запада).

Это классическая западноевропейская мифологема демократии и западной цивилизации как априорных ценностей, выстроенная на базе постсоветских мифов о «свободном, цивилизованном и развитом Западе». Активировалась, прежде всего, среди образованной молодежи – киевского студенчества, сыгравшего свою роль в протестах Майдана. Что касается других протестных слоев, то в них размытый образ демократии сфокусировался во вполне конкретную цель «отмены виз в страны ЕС», что «обеспечит возможность путешествия и работы в Европе». С одной стороны, такая «материализация» идеи демократии разворачивает мифологему к широким массам украинского общества, для которого, конечно, экономическое благосостояние Европы куда более притягательно и значимо, чем ее политическая система; с другой стороны, это препарировало саму мифологему, в результате чего на Украине она приобретает вовсе не тот облик, на который рассчитывали ее творцы, сводясь к конкретному действию по вступлению страны в ЕС с целью обеспечения экономической помощи Украине западным миром. В силу радикализации общества, и, прежде всего, проевропейски настроенных сил, что отнюдь не свидетельствует для Европы о распространении демократических принципов, и даже, напротив, высвечивает уязвимость идеи демократии (а значит, и ценностей западной цивилизации в целом), эта мифологема оказалась наименее эффективной и наиболее непредсказуемой в развитии: по мере того, как экономическая ситуация на Украине ухудшается, а помощь со стороны Запада все более неопределенна и спорна, привлекательность данной мифологемы на Украине убывает, а сама мифологема окончательно трансформируется из метафизической идеи в прагматическую ценность. Внешние (западные) силы, прежде всего, США продолжают разыгрывать карту «демократической революции» в Украине просто потому, что, как заявлялось выше, мифологема демократии – самая привычная, удобная и наиболее имманентная Западу в его нынешнем состоянии. При этом, с точки зрения американской власти, на внедрение ее уже затрачены определенные средства, которые необходимо окупить; с точки зрения европейских политических сил и общества, идея демократии уже сама по себе ценность и не нуждается в дополнительных ассигнованиях. Таким образом, в украинском варианте мифологемы демократии причудливо сочетаются метафизические и прагматические, имманентные украинской ментальности и совершенно не связанные с ее развитием составляющие.

3. «Война России на Украине (с Украиной)».

Тэги: Россия, СССР, тоталитаризм, коммунизм, политические репрессии, враг, Российская империя.

Эта установка для украинского общества имеет наибольшие признаки мифологемы: искусственно внедрена (не обосновывается ни культурно, ни исторически), не вытекает из реальности, а деконструирует (симулирует) реальность. Выглядит как фрактал: разветвляется и дробится на подобные ей частные «дочерние» мифологемы, например такие, как «на Донбассе воюют «проплаченные» сепаратисты», «на Востоке Украины, в основном, воюют российские вооруженные силы (варианты – «российские граждане»), «сепаратисты – это террористы, подобные чеченским террористам в России» и даже убеждения, что сами «российские чеченцы там и воюют». Крайне персонифицирована: в качестве «главного виновника» и «злодея» «назначается» президент России В.В.Путин. Собственно, именно «назначение» антигероем Путина призвано хоть как-то сгладить очевидные противоречия мифологемы с исторической и современной украинской социальной реальностью, поэтому среди слоев украинского общества, культурно, исторически и кровно связанных с Россией, распространяется «сглаженный» вариант убеждения, что «воюет (виновата) не Россия, россияне» (ведь тогда надо будет признать абсолютную невозможность продолжения контактов с родственниками), а «лично Путин». Для большей демонизации образа и унижения прообраза используются колоритные штрихи - акцентирование на особенностях внешнего облика президента, выборочное цитирование вырванных из контекста его речи фраз, а также, произвольная интерпретация исторических событий как псевдо «параллелей» («присоединение Крыма – присоединение Судет Германией в 1938 г.», «Путин воссоздает Российскую империю (вариант – советскую империю)»). Мифологема явно англосаксонского происхождения в «американской обработке», яркая и колоритная, как комиксы или голливудский образ антигероя. Поэтому такая действенная, прежде всего, в слоях обывателей, ориентированных на масс-медиа не только как на средство получения информации, но и форму коммуникации, а также, в слоях маргинальной городской молодежи со сложностями коммуникации и увлечениями компьютерными играми. Эта также единственная мифологема, конструируемый образ реальности которой представлен в одинаковом ракурсе как для Запада (Европы и США), так и для Украины. Но, несмотря на яркость и эмоциональность, возникают сомнения в том, чтобы эта мифологема оказала серьезное влияние на развитие отношений Украины с Россией в длительной перспективе: слишком персонифицирована (смена президента в России или кардинальное изменение его политики может тут же разрушить мифологему), и слишком оторвана от базовых исторических реалий

украино-российских отношений. Тем не менее, именно распространение данной мифологемы сегодня диверсифицирует украинское общество, вплоть до распада, выступая действительно серьезным основанием гражданской войны. Даже проблема вступления-невступления в ЕС не способствовала такому резкому расслоению и конфронтации в украинском обществе, как отношение к России – как агрессору или защитнику, что обусловлено, несомненно, многообразными социальными и культурными связями на протяжении всей украинской и российской истории, а также, тем, что тот или иной образ России косвенно свидетельствует и о национальном осознании граждан Украины себя – как представителей русского этноса или украинского; стимулирует это осознание.

Представленные мифологемы наиболее значимы для Украины в данный момент, но при любом изменении социальной ситуации («встряховании» калейдоскопа актуальных знаков) какие-то мифологемы завтра исчезнут, оставив только «послевкусие», какие-то укрепятся и обрастут новыми мифологемами. Такова, например, позже проявившаяся мифологема «сепаратистов-колорадов», в которой в уничижительном образе «насекомых» обыгрывается выбранный сторонниками союза с Россией образ «георгиевской ленточки» как символа российской воинской славы и доблести; эта мифологема производна от охарактеризованного выше мифологемного образа России как «не братской» страны для Украины, вбрасываемого в украинское социальное пространство антироссийскими силами. В целом, можно сказать, социальное пространство Украины стало своеобразным полигоном испытания на прочность как возвращенных историей образов реальности (мифов), так и сконструированных современностью мифологем. Но и испытанием Западной цивилизации на приоритетное право продолжать считаться экономическим, политическим и *культурным* гегемоном всего человечества, а также, на жизнеспособность самого общества постмодерна с его базовым принципом панмифологизации действительности.

Подводя итоги сказанному, следует отметить: панмифологизация действительности – имманентный обществу постмодерна процесс; втягивание в пространство постмодерна неизбежно активизирует мифотворчество; современные социальные мифы-мифологемы деконструируют реальность, активизируя силы распада. При этом мифологемы выполняют и обратную функцию – «склеивания» фрагментов общества (нередко произвольного и неожиданного) в искусственный, парадоксальный постмодернистский образ реальности. Именно поэтому мы сегодня имеем дело с тем, что сложно было бы представить еще несколько десятилетий назад, например, что крайне националистические силы на Украине будут поддерживаться либеральными и подчеркнута толерантными политическими силами Европы, а националистические

силы самой Европы (европейские «правые») поддержат великодержавную позицию политиков современной России; США в Сирии выступает за свержение «законного правительства» со стороны противостоящих политических сил (правительство трактуется как «террористическое»), а в Украине или Ираке – за поддержку «законного правительства» против политических оппонентов (и именно оппоненты обозначаются как «террористические силы»). Это вовсе не практика «двойных стандартов», потому что никаких «стандартов» отныне нет: посредством мифологем осуществляется непрерывный процесс трансгрессии – разрушения и нарушения стандартов. В реальности (политической, экономической, культурной) создается эффект коллажа – произвольного хаотичного нагромождения часто не взаимосвязанных социальных фрагментов, процедур, нормативов. Удерживать форму конструкции и саму конструкцию помогает «клеящее вещество» мифологем. Это позволяет, с одной стороны, манипулировать реальностью («управлять хаосом»), но с другой, создает опасность ситуации, когда мощный искусственный хаос может вырваться из слабых рук «конструкторов», и «игра начнет играть игроками».

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.М. Изучение истории как политическая проблема // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 32-38.
2. Бадью А. Порнография настоящего [Электронный ресурс] // Ален Бадью. Порнография настоящего. URL <http://la-propagande-du-quotidien.tumblr.com/> (дата обращения 18.04.2014).
3. Бодрийяр Ж. Война, которой не было // Художественный журнал. 1994. № 3. С. 33-36.
4. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Mots de passe. D'un fragment l'autre. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 129 с.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс] // Жан Бодрийяр. Симулякры и симуляция. URL <http://exsistencia.livejournal.com> (дата обращения 18.04.2014).
6. Барт Р. Мифологии // Семиотика. Поэтика. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома / Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. – М.: АСТ, 2010. 895 с.
8. Любчак В.П. Фундаментальное основание российского менталитета: отношение к войне и миру // Вестник ТГПУ, 2010. Вып. 5. С. 22-26.
9. Нанси Ж.Л. Не производимое сообщество. – М.: Водолей, 2009. 208 с.

10. Холлис Дж. Мифологемы. Воплощения невидимого мира. – М. 2010. 184 с.
11. Baudrillard J. *Simulacres et Simulation*. 1981. – P.: Galilée.

References

1. Ankersmit F.R. Izuchenie istorii kak politicheskaja problema [The study of history as a political issue]. *Voprosy obrazovanija* [Education Matters]. 2006. No. 4. Pp. 32-38.
2. Bad'ju A. Pornografija nastojashhego [Pornographie du Temps présent]. *Alain Badiou. Pornographie du Temps présent*. URL <http://la-propagande-du-quotidien.tumblr.com/> (date of access 18.04.2014)
3. Baudrillard J. The war, which was not. *Hudozhestvennyj zhurnal* [Art Magazine]. 1994. No. 3. Pp. 33-36.
4. Bodrijar Zh. Paroli. *Ot fragmenta k fragment* [Passwords. Fragments]. – Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2006. 129 p.
5. Bodrijar Zh. Simuljakry i simuljacija [Simulacres et Simulation]. *Jean Baudrillard. Simuljakry i simuljacija*. <http://exsistencia.livejournal.com> (date of access 18.04.2014).
6. Bart P. Mythology [Mythologies]. *Semiotics. Poetics*. – M.: Izd them. Sabashnikova. 2000. 320 p.
7. Delez Zh., Gvattari F. Rizoma [Rhizome]. *Kapitalizm i shizofrenija: Tysjacha plato* [Capitalism and Schizophrenia: A Thousand Plateaus]. – M.: AST. 2010. 895 p.
8. Lyubchak V.P. Fundamental'noe osnovanie rossijskogo mentaliteta: otnoshenie k vojne i miru [The fundamental basis of the Russian mentality: relation to war and peace]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2010. Vol. 5. Pp. 22-26.
9. Nansi Zh.L. *Ne proizvodimoe soobshhestvo* [The Inoperative Community]. – M.: Vodolej, 2009. 208 p.
10. Hollis J. *Mifologemy. Voploshhenija nevidimogo mira* [Mythologems: Incarnation of the Invisible World]. – M. 2010. 184 p.
11. Baudrillard J. *Simulacres et Simulation*. – P.: Galilée. 1981.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Пилюгина Елена Владимировна, кандидат философских наук, докторант кафедры философии Московского педагогического университета, директор Территориального центра Российского нового университета

*Московский педагогический государственный университет
Проспект Вернадского, 88, г. Москва, 119571, Россия
elenavpilugina@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pilyugina Elena Vladimirovna, candidate of philosophical sciences, PhD candidate of Department of philosophy of Moscow Pedagogical State University, Director of representation of Russian New University

*Moscow Pedagogical State University
Vernadsky Avenue, 88, Moscow, 119571, Russia
elenavpilugina@yandex.ru*